

И.М. Колесникова

(Омск, Омский государственный педагогический университет)

Керамика раннего железного века с Красноярского археологического комплекса

Красноярский археологический комплекс расположен на севере Омской области, на мысу правого коренного берега Иртыша в 4,5 км северо-восточнее р. Ишим. Комплекс включает городище, селище и могильник, начинающийся сразу за внешней линией обороны.

Первые исследования на городище проведены в 60-е гг. В.А. Могильниковым, который заложил небольшой раскоп и траншею через оборонительные сооружения. Исследователь отнес памятник к выделенной им ивановско-баитовской культурной общности (Могильников В.А. 1970. С.175-177). Однако позднее высказывались другие точки зрения о культурной принадлежности Красноярского городища, которое включалось в число раннекулайских (Могильников В.А., 1984, с.31; Чиндина Л.А., 1984, с.164), новочекинских (Полосьмак Н.В., 1987, с. 104,105), саргатских (Корякова Л.Н., 1988, с.20,21), богочановских (Могильников В.А., Данченко Е.М., Труфанов А.Я., 1991, с.217) памятников. Такой разброс мнений, прежде всего, является результатом того, что материалы раскопок, проведенных В.А.Могильниковым, не были опубликованы.

С конца 80-х полевые исследования памятника были продолжены. В 1988 г. И.В. Морев проложил разведочную траншею через валы и рвы, а с 1991 г. на протяжении ряда сезонов раскопки здесь проводятся под руководством Е.М. Данченко.

Хотя культурный слой Красноярского археологического комплекса содержит материалы от эпохи неолита – ранней бронзы до позднего средневековья, в предлагаемом сообщении дается характеристика лишь находок раннего железного века, которые представлены керамикой, глиняными пряслицами и бронзовыми наконечниками стрел. Встречены они

как на площадке городища, так и за линией обороны, где на поверхности селища был сооружен могильник. Жилищ интересующего нас времени не выявлено. В ряде случаев керамика залегала скоплениями.

Нами была использована часть материалов, полученных в ходе сезонов 1991, 1995, 1996 и 1999 гг.; объем выборки составил 400 сосудов, которые были обработаны по сокращённой программе В.Ф. Генинга (Генинг В.Ф., 1973).

Посуда Красноярского комплекса, относящаяся к эпохе раннего железа, изготавливалась путём ленточного налёпа из глины с примесью песка и шамота. По внутренней стороне сосудов видно, что поверхность черепков заглаживалась пучком травы или щепкой. В большинстве случаев сосуды хорошо обожжены и имеют чёрный или коричневый цвет. Диаметр устья сосудов колеблется от 10 до 40 см.

По форме выделяется 5 типов сосудов, но, поскольку коллекция обработана частично, в дальнейшем, возможно, будут выделены иные варианты форм.

К I типу относятся закрытые сосуды без шейки, с наклонённым внутрь верхним краем.

II тип составляют сосуды со слабопрофилированной верхней частью.

III тип представлен горшками с вертикально поставленной шейкой различной высоты и хорошо выраженным туловом.

IV тип – сосуды горшечной формы с отогнутой наружу шейкой.

V тип – горшковидные сосуды с дуговидными шейками, поставленными вертикально.

Среди наиболее распространённых мотивов орнамента – жемчужник, иногда в сочетании с ямками, лунками или оттисками гребенки, ряды каплевидных вдавлений, вертикальных или наклонных отпечатков гребёчатого и гладкого штампа, которые могли также образовывать косую сетку, ёлочку или зигзаг. В единичных случаях встречены змейки, уточки, скобы или другие разновидности фигурных штампов, а также отпечатки шнура. Перечисленные орнаменты довольно пропорционально распределены на сосудах различных типов форм, а сам комплекс выглядит вполне однородным.

Культурно-хронологическая принадлежность публикуемых материалов определяется благодаря аналогиям на памятниках богочановской культуры, существовавшей в таежном Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н. э. В ее развитии выделяется два этапа – журавлёвский (VI-IV вв. до н.э.) и богочановский (IV-II вв. до н.э., которым соответствуют одноименные типы посуды (Данченко Е.М., 1996, с.101). Особенностью керамики журавлевского типа является то, что, с одной стороны, она наследует традиции культур предшествующего времени – сузгунской и красноозёрской, с другой, в ходе своего дальнейшего развития постепенно трансформируется в богочановскую. При этом происходит изменение форм сосудов, удельного веса некоторых узоров, снижение степени орнаментированности.

По мнению Е.М. Данченко, керамика эпохи раннего железа с Красноярского археологического комплекса отражает незавершенность этого процесса, занимая промежуточное положение между посудой журавлёвского и богочановского типов. Это проявляется в большем разнообразии форм сосудов, среди которых очень небольшой процент составляют горшки с дуговидными шейками, в то время как доля закрытых сосудов I типа, наоборот, достаточно высока. В орнаментации прослеживаются явные черты сходства с журавлевской посудой (встречаются и типично журавлевские фрагменты), но узоры выглядят более простыми, а среди отдельных элементов бросается в глаза высокий удельный вес жемчужника, который мог быть оформлен в виде защипов или сочетался с ямками или лунками. Отмеченные особенности сближают рассматриваемую посуду с богочановской, которая в небольшом количестве также присутствует в культурном слое Красноярского археологического комплекса. При этом сосуды закрытой формы настолько однотипны, что определенно отнести их к журавлевскому или богочановскому этапу порой не представляется возможным.

В пользу этого свидетельствуют и коэффициенты сходства, полученные при сравнении результатов статистической обработки красноярской коллекции с наиболее представительными журавлевскими комплексами южнотаежного Прииртышья (Табл. I). По элементам орнамента парные коэффициенты составили: КрАК и Верхнее Аксеново-II – 65,5 %, КрАК и Ямсыса-VII – 65,2%, КрАК и Кип-III – 73,4 %, КрАК и Новоникольское-III – 73,2 %, КрАК и Борки – 70,7 %. Меньшую степень сходства обнаруживает сравнение красноярской посуды с комплексами богочановского типа: КрАК и Михайловское – 52 %, КрАК и Утьма – 46,9 %, КрАК и Затон – 48,8 %, КрАК и Копейкино – 53 %.

Таблица I. Парные коэффициенты сходства комплексов раннего железного века южнотаежного Прииртышья

	КрАК	ВА-II	Я-VII	Кп-III	Н-III	Борки	Мих.	Утьма	Затон	Коп.
КрАК	-	65,5	65,2	73,4	73,2	70,7	52,0	46,9	48,8	53,0
ВА-II	65,5	-	54,1	59,8	59,2	49,3	58,5	53,7	55,8	54,0
Я-VII	65,2	54,1	-	77,1	77,5	58,0	40,7	46,6	40,7	43,1
Кп-III	73,4	59,8	77,1	-	74,1	73,5	47,3	45,9	41,7	44,3
Н-III	73,2	59,2	77,5	74,1	-	63,3	48,2	51,7	47,4	54,6
Борки	70,7	49,3	58,0	73,5	63,3	-	43,3	35,9	35,3	36,4
Мих.	52,0	58,5	40,7	47,3	48,2	43,3	-	73,7	75,3	71,8
Утьма	46,9	53,7	46,6	45,9	51,7	35,9	73,7	-	80,1	70,6
Затон	48,8	55,8	40,7	41,7	47,4	35,3	75,3	80,1	-	64,8
Коп.	53,0	54,0	43,1	44,3	54,6	36,4	71,8	70,6	64,8	-

Не смотря на некоторые различия, которые могут иметь локальный или хронологический характер, приводимые статистические данные в целом свидетельствуют в пользу принадлежности сравниваемых материалов к журавлевскому этапу богочановской культуры. Что касается слоя эпохи раннего железа на Красноярском мысу, то, по-видимому, он может быть связан с тем периодом существования культуры, когда ещё не был завершён процесс трансформации керамики журавлёвского типа в собственно богочановскую посуду. Это позволяет ориентировочно отнести рассматриваемые материалы к середине I тыс. до н. э.

Находки других категорий инвентаря подкрепляют этот вывод. Найденные в культурном слое глиняные пряслица находят многочисленные аналогии на памятниках раннего железного века Зауралья и Западной Сибири, прежде всего, в материалах богочановской и саргатской культур. То же можно сказать и о бронзовых наконечниках стрел, которые достаточно хорошо увязываются с хронологическими рамками существования древностей журавлевского типа – VI-IV вв. до н. э., хотя и не позволяют сузить их датировку.

Находки саргатской керамики, а также фрагментов посуды, вызывающей зауральские ассоциации, указывают на контакты населения Красноярского гордича с соседями, чему должна была способствовать близость устья р. Ишим.

Следует отметить, что Красноярский археологический комплекс находится в аварийном состоянии из-за разрушений, связанных с прокладкой дороги и береговой эрозией. Это делает особенно важным его изучение и требует продолжения спасательных раскопок.

Научный руководитель – к.и.н. Е.М. Данченко.